

Грань между городом и деревней

Одной из инициатив отца по возвращении в Москву стали так называемые агрогорода. Концепция вызревала у него давно, можно без преувеличений сказать, всю сознательную жизнь. Сам из крестьян, познавший все тяготы и лишения деревенской жизни, отец мечтал вырвать крестьян из «второсортности», сделать так, чтобы они зажили по-людски.

На глазах у отца происходила поистине коммунальная революция. В начале XX века, даже в Москве, что уж говорить о провинциальных городишках, практически отсутствовала канализация (за исключением центра города), вода подавалась не в дома, а в уличные водоразборные колонки, да и то не везде. Улицы оставались не мощеными, тротуары – деревянными, электричество, лампочки Ильича или Эдисона, вообще – экзотика. Все переменялось в полстолетия. У горожан в квартирах, пусть и коммунальных, появились удобства в конце коридора, но не во дворе. В деревне же мало что поменялось, разве что в пригородах электричество постепенно вытесняло керосиновые лампы. Остальное так и застряло на мертвой точке. Отцу очень хотелось, чтобы и крестьяне извели городские удобства, не бегали в зимнюю стужу до ветра, чтобы в дома пришло централизованное отопление, а на кухне – газ, чтобы горело электричество и из кранов текла вода. Мечты отца лежали в русле широкоэпических призывов тех лет: «Стереть разницу между городом и деревней». Собственно, отсюда и пошло название «агродорода», еще не город, но уже и не деревня. На самом деле агрогород не предполагал ничего иного, кроме создания для крестьян элементарных жизненных удобств, таких, какими пользуются уже много лет европейские и американские фермеры, – двух этажные четырехквартирные коттеджи, мощеные мостовые, освещенные улицы, водопровод, канализация, центральное отопление, если можно, еще и газ. Чтобы не нарушать компактности застройки, не тянуть лишние километры коммуникаций, предполагалось у дома оставить лишь 10–15 соток огородов, а сами приусадебные участки вынести за пределы поселка. Там их можно обрабатывать машинами, пахать землю тракторами, а не вскапывать лопатами. В общем, то или почти то, что отец видел, путешествуя в 1946 году под именем генерала Петренко по Германии, Австрии и Чехословакии.

В какой-то период речь зашла и о сельских пятиэтажках, даже построили парочку в подмосковных деревнях. Убедившись в их нерациональности, эксперимент прекратили, сосредоточившись на коттеджах.

Казалось бы, логично, но крестьяне с прохладцей отнеслись к четырехквартирным коттеджам, предпочитали хибару, но без соседей, да и приусадебный участок, на то он и приусадебный, что при усадьбе, а не на выселках. Крестьянский дом испокон века окружали дворовые постройки: конюшня, коровник, свинарник, птичник, сарай для сена и все прочее. В много или малоквартирный дом их за собой не потащишь. Тут и извечный крестьянский консерватизм, и трезвый взгляд на реалии сегодняшнего дня: без собственного хозяйства не прокормишься.

«В Хомутовке у него (Хрущева. – С. Х.) была одинокая двоюродная сестра, – вспоминает помощник отца Шевченко. – Однажды она ему написала: помоги мне, брат, у меня валится дом. Хрущев меня вызывает, показывает это письмо. Зарплату от всю отдавал Нине Петровне, а депутатские сто рублей клал в сейф в кабинете. Вот он открывает этот сейф и говорит: я вам даю пятьсот рублей, помогите моей сестре хатенку построить. Я говорю: Никита Сергеевич, за пятьсот рублей хатенку не построишь, вы же знаете, что сколько стоит. Давайте я туда поеду, поинтересуюсь, а потом будем решать.

Приезжаю в Хомутовку, заехал по адресу. Дом действительно развалюха, потолок лежит на шкафу. На центральной усадьбе в Калиновке как раз строили многоквартирный дом для специалистов. Я говорю ей: а что если мы дадим вам, хотите, одну, хотите, две ком-

наты в этом доме? И не надо вам будет строиться? Она говорит: не пойду. Почему? А где же я буду сеять бурак, огурцы? Я говорю: в колхозе получите и бурак и огурцы. Так они же, говорит, еще не сеяли ни бурак, ни огурцы, а у меня в огороде уже растут. А где я, продолжает, буду поросенка держать? Ну, там будет у вас какой-то сарай. Да нет, не соглашается она, они скажут, что мой сарай воняет, и прогонят меня, а без поросенка, без курицы я жить не могу.

Возвращаясь, говорю Никите Сергеевичу: вот предлагал ей, чтобы она переселилась в дом городского типа, но она не хочет. Он говорит: “Ну, а черта ей надо?” Я говорю: “Ей нужен огород, сарай – хозяйство, одним словом. В этом вся трагедия”. В ответ он и меня выругал, и ее выругал. Он любил сельское хозяйство, жалел своих односельчан».

Порой эта любовь перерастала в насилие. Отец старался перебороть крестьянскую, как он считал, отсталость, пытался для их же пользы надавить, однажды даже предложил «прекратить выдавать государственные кредиты на индивидуальное жилищное строительство».

Новации в благоустройстве деревень, как и любые новации, встречали неоднозначно. Старики, привыкшие жить по старинке, сопротивлялись им, как могли, молодежь же тянулась к городской жизни, к недоступным на селе развлечениям и удобствам, чуть оперившись, попросту уезжала в город. Деревни обезлюдевали.

Благоустройство сельской жизни несомненно изменило бы многое, кое-кого заставило бы задуматься.

Но я несколько забежал вперед, из начала 1950-х годов перескочил в начало 1960-х. Возвращусь на исходные позиции.

К строительству агрогородов отец приступил еще в сороковые годы на Украине. Посмотреть на одну из новостроек он взял меня. Дома в селе, куда привез меня отец, строились одноэтажные, индивидуальные. Все там казалось каким-то не нашим: хаты не из самана (смеси глины с измельченной соломой с добавлением навоза), а из белого силикатного кирпича, крыши не соломенные, а железные, крашенные суриком. Прямо за граница.

В декабре 1949 года на семидесятилетии Сталина отец докладывал ему как о большом достижении о завершении строительства первого агрогорода в Черкасской области и реализации еще нескольких пилотных проектов в разных концах Украины. Тогда идея отца получила одобрение, в киножурналах показывали «деревню будущего».

И в Подмоскowie отец продолжил строительство агрогородов. Задуманное Сталиным и оформленное Постановлением ЦК от 30 мая 1950 года укрупнение колхозов тому благоприятствовало, для переселяемых на новое место крестьян требовались новые жилища.

– Вот и давайте их строить не по-деревенски, а со всеми удобствами, с перспективой на будущее – призывал отец.

Закладывались фундаменты каменных домов, доставали дефицитное кровельное железо и котлы для отопления, конструировали не магистральную, а непривычную локальную, на несколько домов, канализацию, вкапывали электрические столбы. Ничто не предвещало беды. И тут, 18 января 1951 года на проводимом отцом совещании по строительству и благоустройству в колхозах Московской области появился корреспондент «Правды». Он внимательно слушал, как отец расписывал крестьянский быт недалекого будущего, все аккуратно законспектировал и через пару недель прислал отцу записку, предлагая оформить его выступление в виде подвала в «Правде», обстоятельной и, как правило, директивной статьи на треть газетного листа. Отец согласился. 4 марта 1951 года подвал опубликовали под столь же безобидным, как и само совещание, заголовком «О строительстве и благоустройстве в колхозах». В статье отец, в частности, предрекал, что вскоре «вместо небольших деревень возникнут культурные, благоустроенные колхозные поселки со школами, банями, домами культуры, детскими яслями...» Ничего крамольного.

Сталин прочитал статью в тот же день. Сам он на нее набрел, листая газету, или кто «подсказал»? Как и в случае с продовольственными карточками для украинских крестьян

в голодные 1946–1947 годы, обстоятельств этого дела мы не знаем. Но, как и в 1947 году, грянул гром. Редакции «Правды» указали на политическую недалковидность, приказали на первой странице, а не в конце номера, как обычно, опубликовать «разъяснение»: статья Хрущева на самом деле не директива, а так, материал для дискуссии. Редакция якобы по недосмотру накануне упустила это примечание. Подобное сталинское «разъяснение» предвещало опалу. Пришлось отцу срочно, в написанном уже 6 марта 1951 года, письме Сталину «признавать» совершенные им грубые ошибки, как и в 1947 году, изъявить готовность к немедленному публичному покаянию.

Однако Сталин покаяние не принял, он решил раскрутить «дело» отца по всем знакомым всем еще с 1937 года канонам. 2 апреля 1951 года Политбюро утвердило и разослало по всему Советскому Союзу написанное собственноручно Сталиным закрытое письмо «О задачах строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». В нем анонимно осуждались «некоторые партийные работники» – тоже любимый сталинский прием – за «потребительский подход, извращение линии партии и серьезные ошибки в колхозном строительстве». Что же это за ошибки? Оказывается, эти «некоторые партийные работники» занялись «подменой главной, а именно производственной задачи в сельском хозяйстве, задачей немедленного переустройства быта колхозников, что отвлекает основные силы колхозов от решения важнейших производственных задач, должно привести к дезорганизации колхозной экономики и, следовательно, нанести вред всему делу социалистического строительства. <...> Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забывают о главных, производственных задачах колхозов и выдвигают на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах, жилищного строительства в деревне... Следует отметить, что аналогичные ошибки допущены также в известной статье т. Хрущева “О строительстве и благоустройстве в колхозах”...» Далее Сталин требует «покончить с неправильным, потребительским подходом к вопросам колхозного строительства», бороться за «дальнейшее повышение урожайности сельскохозяйственных культур, всемерное развитие общественного животноводства и повышение его продуктивности... Капитальные вложения средств и труда колхозников необходимо направлять в первую очередь на развитие общественного хозяйства: строительство животноводческих помещений, раскорчевку земель от кустарников, сооружение каналов, насаждение полезащитных полос...» и еще на многое другое, но только не на благоустройство жизни людей.

Письмо получилось длинным, в нем, кроме всего прочего, Сталин справедливо отмечал, что «вынос большей части приусадебного участка за пределы деревни может испугать его владельцев, вдруг его и вовсе отберут».

Крестьяне с подозрением отнеслись к идее перемещения приусадебных участков за границы деревни. Пока участки рядом с постройками, как бы прячутся между домами, с ними трудно что-либо поделаться, а там, в чистом поле... Несомненно, основания для подобных опасений имелись, и немалые. Многие еще помнили коллективизацию. Отец на приусадебные участки и не покушался. Сталин обрушился на отца не за них, а, как и в 1947 году, обвинил в мягкотелости по отношению к крестьянам – не улучшением их быта следует заниматься, а работать заставлять.

18 апреля 1951 года Сталин и Политбюро «по просьбам местных органов» постановило зачитать закрытое письмо об ошибках отца всем коммунистам, «запретив делать какие-либо записи». Если следовать сценарию 1937 года, до ареста оставался всего один шаг. К счастью, отец остался на свободе, но нервы ему потрепали изрядно, а идею агрогородов, саму мысль о том, что крестьяне достойны лучшей жизни, предали анафеме.

Через год, 5 октября 1952 года, в отчетном докладе XIX съезду партии Маленков еще раз пнул отца, отметив в числе ошибок сельскохозяйственной политики «практику создания в колхозах и совхозах подсобных предприятий по производству кирпича, черепицы и

других промышленных изделий... отвлекающих их от решения производства сельскохозяйственной продукции и тормозящих развитие сельского хозяйства». Комментарии, как говорится, излишни.

За что Сталин так ополчился на отца, на человека, которому он, казалось бы, благоволил? Дело в разном отношении к крестьянам. Сталин смотрел на крестьян как на навоз, на удобрение, на котором должна произрасти новая, современная индустриальная Россия. Для этого следует крестьян грабить, грабить и грабить. Вот основная сталинская установка. А тут агрогорода, их строительство в масштабах страны потребовало бы немалых затрат. Сталин отца одернул: «погрязшее в мелкобуржуазной стихии крестьянство» не заслужило достойной жизни, отец со своими прожектками «забегает вперед». Только «одернул». Никаких иных планов он в отношении отца, видимо, не имел. Не только отцу, но и всей нашей семье повезло, мы остались живы.

Через год Сталин и вовсе вернул отцу свое расположение, поручил ему, наравне с Маленковым, сделать доклады XIX съезду партии. Маленкову – отчетный, а Хрущеву – об изменениях Устава. 27 октября 1952 года Сталин, в дополнение ко всем имеющимся у него обязанностям, сделал отца еще и членом Бюро Президиума Совета Министров СССР, а 10 ноября 1952 доверил ему, по очереди с Маленковым и Булганиным, председательствовать на заседаниях Президиума ЦК КПСС и его Бюро.